

О РОЛИ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА

Д.Н. Воробьев

Изобразительные археологические памятники представляют собой уникальный материал для изучения духовной жизни древних обществ. Создание изображений было обусловлено материальными и духовными нуждами человека: необходимостью обеспечения пищей, продолжения рода, защиты и благополучия человека. Каждое такое изображение – образ отражало в той или иной степени пути и формы осмысления древним человеком окружающего мира и было предназначено для передачи определенной ритуальной информации.

Территория Верхнего Поволжья в эпоху первобытности представляла собой единый в экологическом и культурно-хозяйственном отношении мир, частью которого являлся уникальный комплекс предметов малых форм с зооморфными изображениями. Источниковую базу исследования составили 155 зооморфных изделий неолита – энеолита Верхневолжского региона, найденных случайно или при раскопках 26 археологических памятников, расположенных на территории шести областей: Тверской, Ивановской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской (см. рис. 1).

Древние мастера, используя различные материалы (кость, рог, кремь, глину, дерево), старались запечатлеть образы животных, птиц, рыб, пресмыкающихся. Среди изделий выделяются изображения медведя, лося, оленя, бобра, куницы, кабана, таких водоплавающих птиц, как лебедь, утка, гусь, боровых птиц – глухаря и тетерева, болотных птиц, изображения рыб, змей, ящериц, фантастических существ, многие изображения выполнены очень реалистично (рис. 2, 3, 4)¹. Для чего же древние люди создавали подобные изображения?

Определение функционального и смыслового назначения предметов с зооморфными изображениями – тема дискуссионная. И если функцию вещи можно определить по некоторым внешним признакам (наличие креплений, контекст находки), то понять семантику (т. е. смысл) изображений довольно сложно. Некоторые исследователи считают, что это возможно при наличии синхронного или хронологически близкого письменного текста, которыми могут считаться этнографические данные².

¹ См. более подробно: *Воробьев Д.Н.* Опыт создания программы описания зооморфных изделий (по материалам памятников неолита – энеолита Верхнего Поволжья) // *Вестн. МГУ. Сер. 8: История.* – М., 2008 (в печати).

² См. например: *Лозе И.А.* Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики // *Советская этнография.* – 1970. – №3; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М., 1981; *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. – М., 1984; *Усачёва И.В.* К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // *Вопросы археологии Урала.* – Екатеринбург, 1998; *Кашина Е.А.* Искусство малых форм неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – С. 141.

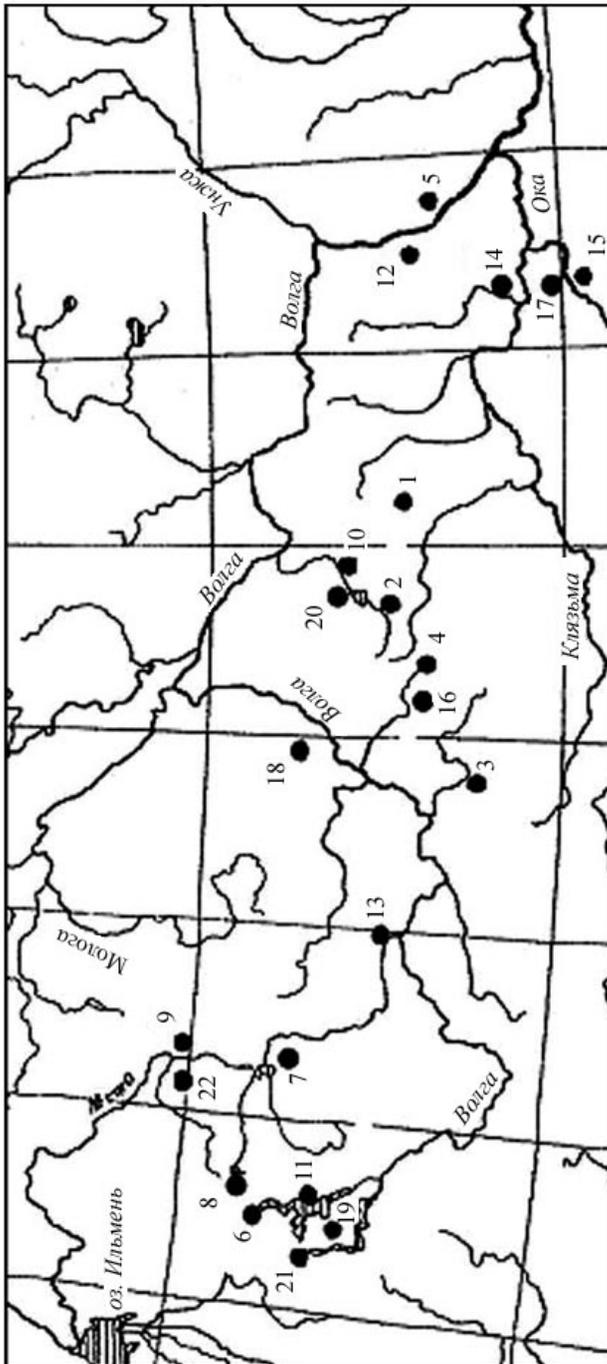

Рис. 1. Карта памятников Верхнего Поволжья с находками зооморфных изделий

- (1 – Сахтыш I, II, III, VIII, 2 – Ивановское VII, 3 – Николо-Перевоз, 4 – Польцо, 5 – Умленне, 6 – Котчище II, 7 – Багон-Отмель, 8 – Мстино, 9 – Алексеевское, 10 – Унша, 11 – Святая Гора I (Богово I), 12 – Стрелка I, 13 – Дуденево, 14 – Володары, 15 – Волосово, 16 – Вашутинская, 17 – Подборица-Щербининская, Новое Щербинино, 18 – Язьково I, 19 – Гонское I, 20 – Варос I, 21 – Извезово, 22 – Болгое)

Предполагается, что некоторые группы неолитического населения Верхнего Поволжья участвовали в сложении финно-угорского этноса³. Этнографические данные о коренных народах Сибири и Дальнего Востока отчасти также отражают черты духовного мира, общие для жизненного уклада охотников-рыболовов. Однако, эти данные очень отрывочны, так как их древнейший, «охотничий» пласт сильно «засорен» элементами позднейших культур. Поэтому рассчитывать на сколько-нибудь полную реконструкцию мифологии исследуемого общества невозможно, тем более на воссоздание её конкретных сюжетов.

Кроме интерпретаций отдельных предметов и образов в литературе делались попытки соотнесения подобного комплекса изделий с такими категориями, как игрушки и культовые (вотивные) предметы.

Принадлежность части предметов первобытного искусства малых форм к детской игрушке отстаивает В.И. Мошинская⁴. М.Ф. Косарев критикует подобную попытку. Он считает, что в периоды расцвета тотемических и анимистических верований любая фигурка животного или человека должна была вызвать ассоциацию с живым существом, по отношению к которому действовал сложный комплекс ритуалов, запретов, поверий и примет. Помнить и исполнять их, во избежание несчастий, могли лишь взрослые люди. Якуты запрещали маленьким ребятам играть берестяными изображениями коров, так как от этого будут пропадать телята, а также берестяными фигурками людей – дети станут хворыми. Любопытно, что покупаемые остяками и вогулами у русских и зырян игрушки в виде зверей, птиц и людей воспринимались обычно как культовые предметы и использовались в ритуальных действиях, а также в качестве талисманов и оберегов⁵. Только у оленеводов существовала традиция изготовления игрушек – «стада» оленей для мальчиков⁶. Невозможно представить себе «стадо» лосей, медведей и уток в руках ребенка охотников-собирателей. Как правило, в традиционных обществах дети крайне рано приобщались к хозяйственной жизни. Их типичные игрушки – это уменьшенные копии утвари, орудий труда и оружия⁷. Среди находок в культурных отложениях поселений нео-энеолита иногда встречаются миниатюрные сосуды и наконечники стрел. Возможно, что они и были игрушками.

Ряд найденных на поселениях скульптур несёт следы окраски охрой. Крайне важная роль охры в ритуалах, зафиксированная ещё с эпохи палеолита⁸, тем более не позволяет относить подобные предметы к игрушкам.

Культовое назначение зооморфных предметов часто связывают с шаманским костюмом. Проблема шаманства не раз затрагивалась при обсуждении искусства малых форм лесной зоны Восточной Европы⁹. Однако следует согласиться с мне-

³ *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997; *Kosarev M.F., Kuzminykh S.V.* К проблеме поисков уральской прародины // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 2001.

⁴ *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М., 1976.

⁵ *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – С. 192.

⁶ *Попов А.А.* Материалы по истории религии якутов б. Вилуйского округа // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л., 1949. – Т. 11.

⁷ *Иванов С.В.* О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов // Сб. музея антропологии и этнографии. – Л., 1949. – Т. 11.

⁸ *Гаврилов А.В.* О значении охры в погребальном обряде археологических культур эпох палеолита-бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. всесоюз. семинара. – Запорожье, 1990.

⁹ *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1996. – Вып. 2; *Крайнов Д.А.* Энеолит центра Русской равнины и Приуралья (Волосовская культура) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.

нием С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых о том, что в эпоху неолита-энеолита ещё не может идти речи о сложении шаманского костюма и представлений шаманизма¹⁰. Согласно материалам погребений, изученные подвески-нашивки носились мужчинами, женщинами и детьми, причём, наверняка, они использовались и в повседневной жизни, так как некоторые предметы сильно залощены. Они ломались, чинились и часто терялись владельцами. Это позволило Е.А. Кашиной охарактеризовать их как обычные предметы, не имеющие ничего общего с особым, обильным и редким шаманским комплексом¹¹.

Согласно многочисленным этнографическим данным, зооморфные изделия довольно часто имели функцию жертвенного предмета¹². Зооморфные изображения приносились в жертву в рамках промысловых обрядов «хозяину зверей» как «замена» убитых животных. Подобные действия были призваны поддержать равновесие, гармонию мира¹³.

Наиболее ранней интерпретацией кремневой скульптуры в отечественной археологии является гипотеза С.Н. Замятнина, который считает данное культурное явление стадиальным¹⁴. Он прослеживает его и в IV тыс. до н. э. в додинастическом Египте, и в III в. н. э. у майев, и во II тыс. до н. э. в лесах и тундрах Восточной Европы, и у современных ему эскимосов Аляски. Независимо от территории, время бытования кремневых скульптур – это время позднего или пережиточного неолита и энеолита, первого появления и постепенного внедрения металла, это время далеко зашедшего разрушения территориальной целостности отдельных родов и сложения крупных племенных образований, в отдельных случаях (Египет, Юкатан) стоящих на грани возникновения классового общества. В этих условиях, на основе слияния и переработки старых родовых культов, возникают новые сложные космогонии, постепенно слагаются пантеоны, божества которых олицетворяют отдельные стихии и явления природы. Он пишет, что кремь в эту эпоху всё более теряет свою исключительную роль как основной материал для изготовления орудий. И только в области культа кремь, по мнению С.Н. Замятнина, сохраняясь как пережиток, прочно удерживает своё значение. Автор говорит о несомненном ритуальном характере кремневых скульптур и связи их с обрядностью, в которой жертвоприношение занимало центральное место. Кремневые изображения он объясняет как наконечники обрядовых стрел, служивших для умерщвления жертвенных животных. Одновременно они являлись персонификацией божества, которому жертва приносилась. Предложенное объяснение, по мнению автора статьи, не исключает, в отдельных случаях, возможности последующего сохранения этих фигурок, использования их как амулетов.

Наблюдения С.Н. Замятнина требуют особого внимания, часть его предположений выглядят вполне убедительными, однако исследователь не объясняет причин массового появления зооморфных изделий именно в этот период, не рассматривает изображения из других материалов, которые, видимо, составляют единый комплекс. Кроме того, часть изображений относится к несколько более раннему

¹⁰ Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке у населения Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001.

¹¹ Кашина Е.А. Указ. соч. – С. 148.

¹² Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л., 1970.

¹³ Кашина Е.А. Указ. соч. – С. 150 – 151.

¹⁴ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. – 1948. – Т. 10.

времени, чем считал С.Н. Замятин, к периоду, когда значение кремня было все ещё очень велико.

Как показывает обращение к современным археологическим исследованиям, вопрос о роли и значении зооморфных изделий остаётся актуальным. Е.А. Кашина, рассмотрев совокупность антропоморфных и зооморфных изображений неолита-энеолита лесной полосы Восточной Европы¹⁵, сделала предположение, что нашивные/подвесные изображения разных существ были признаком обладания их владельцами определённого социального статуса. Из-за многочисленности изображений птиц она предполагает, что они символизировали некое «среднее» социальное положение. Лоси и медведи символизировали высший статус, бобры, куницы и змеи – более низкий. Место антропоморфных изображений, как она сама признаётся, в этой схеме неясно¹⁶. Иерархические знаковые изобразительные системы известны в земледельческом неолите – эпохе ранней бронзы¹⁷. Существование подобных систем в древнейших и древних обществах охотников и собирателей подразумевается исследователями с эпохи верхнего палеолита¹⁸.

Оригинальная гипотеза Е.А. Кашиной, конечно, требует тщательной проверки на археологических материалах. Пока же, например, погребальные памятники волосовцев свидетельствуют об отсутствии какого-либо имущественного и социального неравенства в волосовском коллективе. Кроме того, предметов искусства малых форм обнаружено гораздо меньше, чем было количество населения в пределах одной культуры и даже в пределах одного поселения. И если критерии Е.А. Кашиной справедливы, то надо думать, что большая часть членов этого общества вовсе не имела определённого социального статуса.

Попробуем предложить свой вариант трактовки значения зооморфных изображений для населения Верхнего Поволжья в неолите-энеолите, а также причин появления и прекращения существования этого явления. При решении этих вопросов, на наш взгляд, важно учитывать ведущий тип хозяйства населения. На изучаемой территории в этот период для всех археологических культур был характерен охотничье-рыболовный присваивающий тип хозяйства, при котором население находилось в большой зависимости от природы. Особенностью этого типа является то, что почти никогда не бывает избытка пищи, а её поступление нестабильно. Успех в охоте (рыбной ловле), а значит, и наличие пищи, зависел от умений охотника и качества орудий охоты. Этим объясняется зафиксированное в неолите-энеолите постоянное увеличение ассортимента орудий, связанных с охотой, усовершенствование этих орудий за счёт улучшения техники обработки кремня. На время волосовской культуры приходится пик развития охотничье-рыболовного хозяйства, а также всплеск искусства малых форм. Некоторые исследователи отмечают, что к этому периоду численность населения значительно возросла¹⁹. Соответственно, увеличились и потребности в пище, удовлетворять которые становится всё сложнее. К тому же на время 4500 – 4000 л. н. приходится период глобального похолодания климата – начальный этап суббореального периода, который сопровождался значительными изменениями в структуре палеоландшафтов,

¹⁵ Кашина Е.А. Указ. соч.

¹⁶ Там же. – С. 149.

¹⁷ Балабина В.И. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. – М., 1998.

¹⁸ Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М., 1985.

¹⁹ Уткин А.В., Костылева Е.Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006.

сформировавшихся в атлантический период²⁰. Изменения затронули не только флору, но и фауну. Исследователи говорят о глубоком кризисе присваивающего хозяйства в этот период²¹. Судя по археологическим данным, в этот период металл имелся в незначительном количестве и на территории Верхнего Поволжья был не везде известен, способы его обработки были самые примитивные, поэтому преимуществ меди по сравнению с камнем древнее население усвоить не могло²². В сложившейся кризисной ситуации, когда население не могло только дальнейшим совершенствованием технологий обработки камня и изготовления орудий – оружия обеспечить стабильное поступление пищи, выход могли видеть в культовых действиях. Именно с этим связано усиление культов различных животных, птиц и рыб. Возникли же эти культы гораздо раньше: об их существовании могут свидетельствовать подвески из клыков и зубов животных, находки которых отмечены на памятниках многих археологических культур каменного века в Верхнем Поволжье, а также единичные находки зооморфных изображений. Но раньше, возможно, «вера» была не так сильна, так как находились реальные возможности воздействия на окружающую среду (новый вид орудия, усовершенствованная техника и т. д.). На рубеже III – II тыс. до н. э. (или несколько раньше) такие возможности в рамках традиционного охотничье-рыболовного хозяйства оказались недостаточными, и последовало усиление роли культов: появились «святилища», «ритуальные площадки», предметы с зооморфными изображениями.

Можно предполагать существование определённой иерархии культов разных животных, птиц, рыб в зависимости от их хозяйственного значения. Культ медведя, несмотря на то что этот зверь не имел большого промыслового значения, скорее всего, занимал особое положение как культ царя зверей (его кости, особенно черепа, сопровождают погребения людей, медвежьи клыки с нарезками для подвешивания всегда встречаются в единичных экземплярах). Культ птиц, вероятно, не был единым, а выделялись отдельно культ перелетных водоплавающих птиц, культ боровых птиц, культ болотных птиц, а возможно, и культы отдельных родов (пород). Этим, возможно, и объясняется их большее количество по сравнению с остальными изображениями (ведь и количество реальных популяций птиц больше). Среди культов млекопитающих животных, скорее всего, на первом месте находился культ лося (его изображений больше всего), видимо, в силу того, что лось являлся основным промысловым животным. Далее следуют культы бобра и куницы, связанные с особой ролью пушной охоты. Исследователи отмечают важное и даже первостепенное значение рыболовства в хозяйстве волосовских племён. Скорее всего, культ рыб появился именно в этой культуре. В предложенную схему не вписывается образ змеи. Видимо, в данные изображения вкладывался какой-то иной (непромысловый) смысл.

Таким образом, не вызывает никакого сомнения, что изначально изготовление зооморфных изображений было связано с промысловыми культами. Возможно, позднее, сталкиваясь с непонятными явлениями, люди для их объяснения и преодоления стали вкладывать в уже существующие изобразительные образы какие-то дополнительные смыслы: например, способность излечивать от болезни, покровительство и охрана, связь с мирозданием, идеями женского плодородия. Воз-

²⁰ Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // Российская археология. – 1999. – № 1. – С. 30.

²¹ Уткин А.В., Костылева Е.Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры... – С. 125.

²² Крайнов Д.А. Энеолит центра Русской равнины и Приуралья (Волосовская культура).

можно, это приводило к появлению новых культов, не связанных с промыслами (например, культ змеи как символ потустороннего мира).

Очевидно, создание предметов с зооморфными изображениями не приурочивалось к каким-то особым событиям. Культы обладали всеохватывающим и повседневным действием. Поэтому и использование зооморфных изделий было каждодневным и обычным с современной точки зрения (они могли быть подвесками на одежде, булавками, штампами для орнаментации посуды, а могли просто лежать или висеть в жилище). Спорен вопрос относительно использования рассматриваемых скульптур в ритуалах и обрядах (находки «святилищ», «ритуальных площадок», «жертвенных мест» и т. д.). К сожалению, нужно констатировать, что подобных фактов известно пока очень мало, и они интерпретируются неоднозначно.

Массовое изготовление зооморфных изображений в волосовской культуре как отражение усиленной культовой практики не могло обеспечить решение всех экономических, культурных и общественных проблем. Реальный же выход, одновременно ставший причиной ослабления культов, а следовательно, и прекращения изготовления зооморфных изображений, был найден с приходом на территорию Верхнего Поволжья на рубеже III – II тыс. до н. э. фатьяновских племён. Местное население заимствовало у них прогрессивные культурные навыки: скотоводство, приемы металлообработки, отдельные элементы в изготовлении посуды и пр. На многих поздневолосовских стоянках имеются следы смешения волосовской и фатьяновской культур. Волосовская культура как охотничье-рыболовная прекратила своё существование. Скотоводство давало теперь уже смешанному населению основную пищу (мясо и молочные продукты), а также кожу, шкуры и шерсть для производства обуви и одежды. Кости животных шли на выработку орудий и поделок. Конечно, охота и рыболовство продолжали играть большую роль в жизни населения, но уже не определяющую. С этим и связано, видимо, ослабление (видимо, даже и прекращение некоторых) связанных с ними культов, и это привело к прекращению бытования такого явления, как искусство малых форм. О существовании культа медведя у фатьяновцев исследователи сообщали много раз: ритуальные погребения медведя, амулеты из медвежьих клыков, ритуальные кинжалы из костей медведя, ритуальные каменные топоры-молоты с медвежьей головой на месте обуха. Но исследователи считают, что фигурные топоры-молоты с обухом в виде головы медведя хотя и причастны к определённым ритуалам, но скорее всего не промыслового, а военного характера²³.

Глубокий след, оставленный в культуре и изобразительном искусстве населением неолита-энеолита, прослеживается на территории Верхнего Поволжья ещё очень долгое время. Отголоски старых культов можно заметить в фатьяновских, дьяковских и средневековых финно-угорских древностях, но смысл, который вкладывался в изображаемые образы, был уже другим.

Приложения к статье

²³ Жульников А.М. О находке в Прибеломорье фигурного топора-молота с обухом в виде головы медведя // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2002. – Вып. 5; Шахнович М.М. Новые находки фигурных молотов на территории Карелии // Там же.

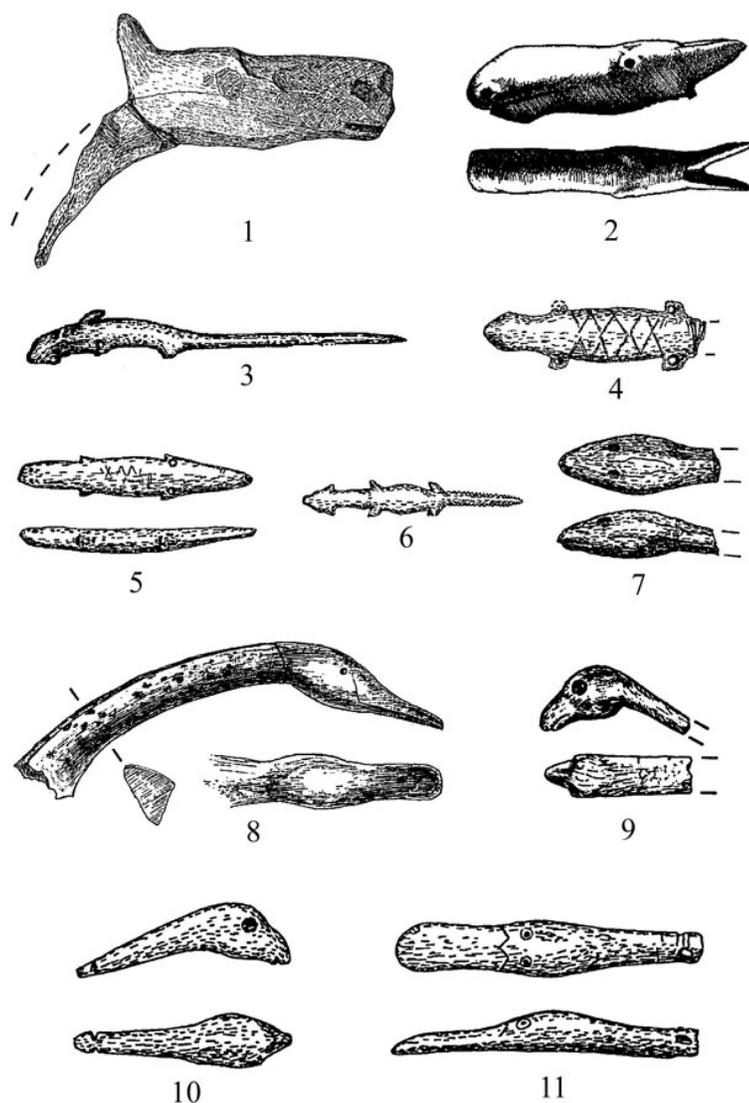

Рис. 2. Зооморфные изображения из кости

(лось – 1 – Сахтыш I; 2, 3 – Володары; бобр – 4, 5 – Сахтыш I;
 куница – 6 – Сахтыш I; змея – 7 – Сахтыш II; птица – 8 – Волосово;
 9 – Николо-Перевоз; 10 – Языково; 11 – Сахтыш I)

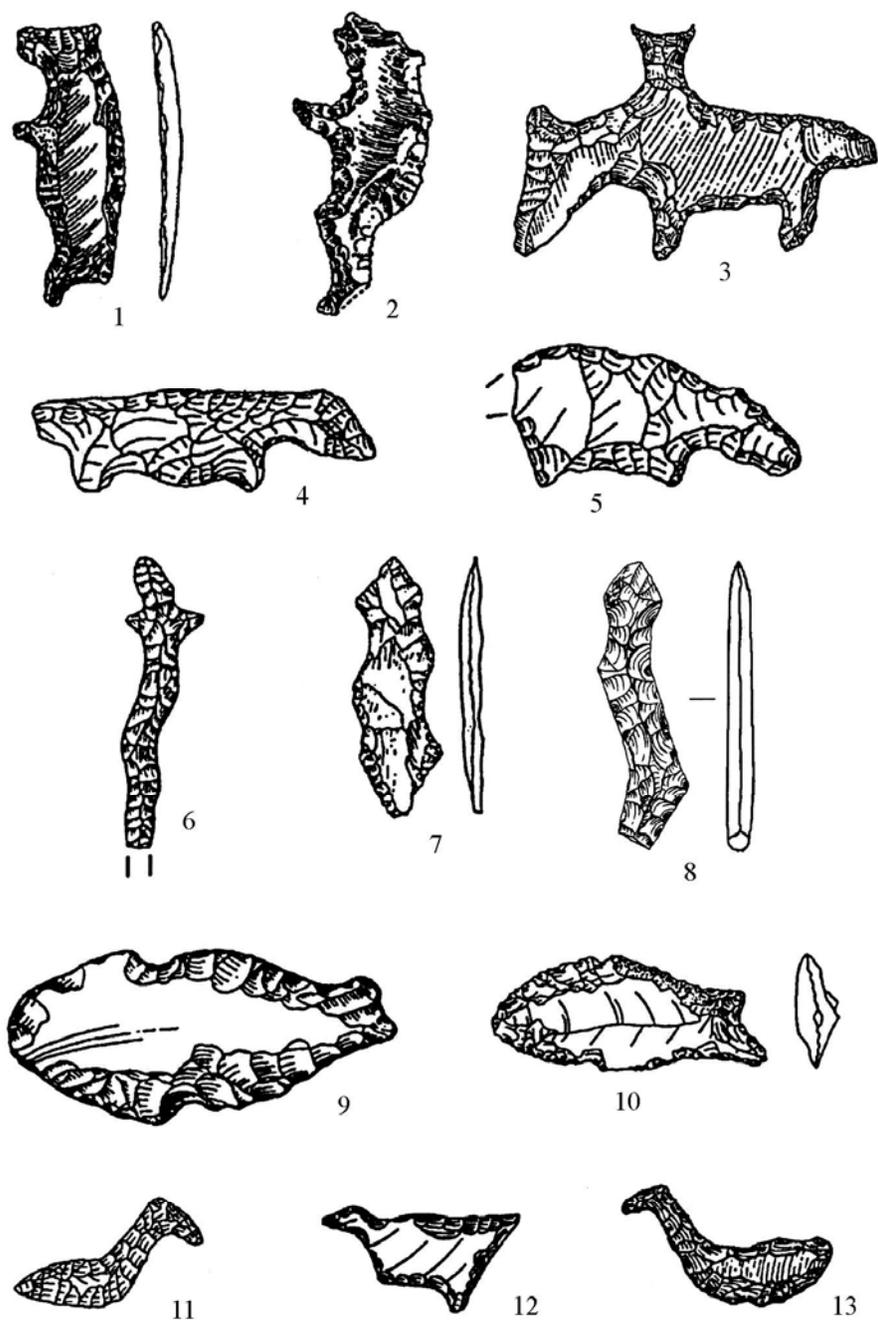

Рис. 3. Зооморфные изображения из кремня

(медведь – 1 – Синяя Гора I; 2 – Багон-Отмель лось – 3 – Дуденево; 4, 5 – Стрелка I
змея – 6 – Синяя Гора I; 7 – Язьково; 8 – Троица IV;
рыба – 9 – Подборица-Щербининская, 10 – Новое Щербинино
птица – 11 – Сахтъш ПА; 12, 13 – Воло сово)

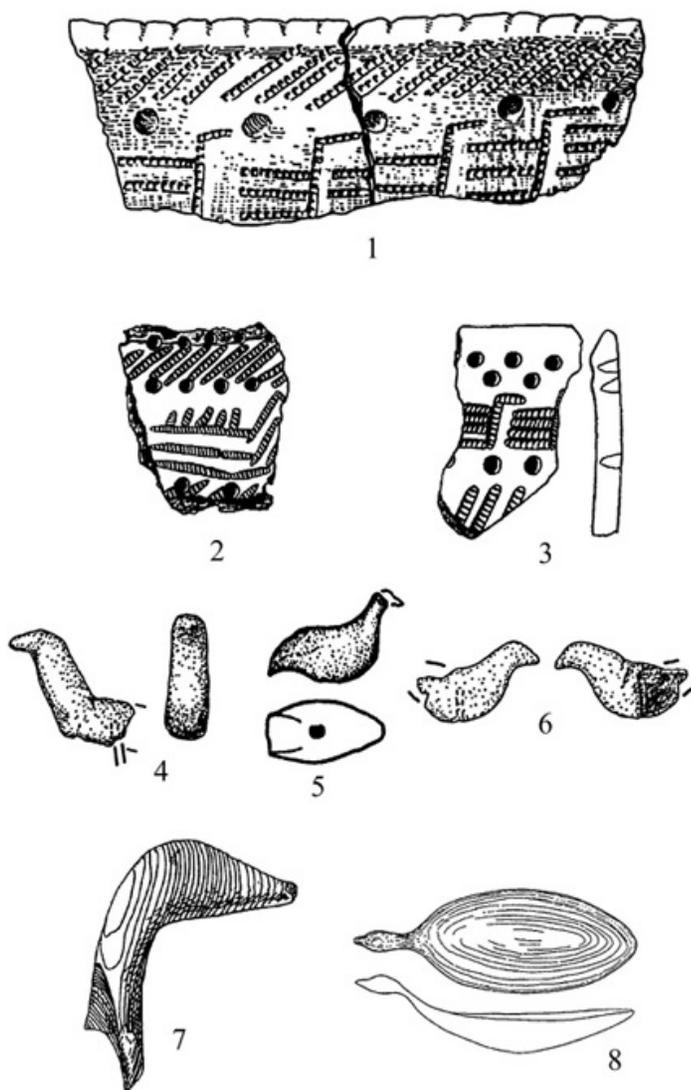

Рис. 4. Изображения птиц из глины (1 – 6) и дерева (7, 8)

(1, 3 – Сахтыш VIII; 2, 6 – Сахтыш IIА; 4 – Польцо;
5, 8 – Ивановское VII; 7 – Сахтыш I)

**TO THE ROLE OF THE ZOOMORPHIC FORMS IN THE CULTURE OF THE
POPULATION OF THE UPPER VOLGA IN
THE NEOLITHIC – THE ENEOLITHIC AGE**

Summary

The author tries to comprehend the function of stone and bone zoomorphic figurines of the Upper Volga territory. The author supposes that a deep crisis of the appropriated economy was coursed a turning of the function of this figurines. The author suggests that these figurines had a cultic meaning among the population of the Volosovo culture. The author concludes that progressive changes of the economy of the boundary of the 3-rd – 2-nd millennia BC resulted in weaking and gradual disappearance of cults connected with hunting and fishing. It is also led to disappearance of the small forms art.